

Внимание читателей мы предлагаем один из ранних рассказов А.Грина, написанный под впечатлением событий, происходивших в Симбирске в начале XX века.

Гость

Я пришел по делу к товарищу и застал его читающим свежий номер революционного журнала «Красный Петух». Он сидел перед столом, грыз ногти, обдумывая кипучую аргументацию автора передовой статьи, направленной против социал-демократов, и был так погружен в это занятие, что не заметил моего прихода. Я хлопнул его по плечу, он вскопчил, уронил очки и сейчас же успокоился.

— Чего вы ходите, как кошка?! Смотрите, что пишут мерзавцы социал-демократы! Идиоты! Туполобые марксисты! Антикolleктивистические черепа! Вороны! Кукушки!

...Я не успел рассердиться, так как за дверью раздались тяжелые, мерные шаги и незнакомый голос спросил: — Позвольте войти?

Болван Ганс, вечный книжный червь Ганс сказал: — «Войдите!» — раньше, чем я успел спрятать злополучного «Красного Петуха». Он так и остался лежать на столе, в раскрытой книге, и на обложке его крупными буквами было напечатано черным по белому: «Красный Петух»...

Что ж? Пусть входят чужие и смотрят, как повергаются в прах основные законы конспирации. Если Ганс желает когда-нибудь попасть впросак таким образом, — его дело.

Когда отворилась дверь и тихо, конфузливо улыбаясь, вошел молодой полицейский офицер, — я быстро развернул альбом с фотографиями и, глядя на усатое лицо какого-то господина, успел сказать:

— Что за пикантная женщина!

— Здравствуйте, г-н Гребин... — быстро, мельком оглядываясь, заговорил посетитель. — Собственно говоря, я вас побеспокоить пришел насчет маленького дельца...

Он нерешительно, неловким движением протянул руку, как бы опасаясь, что она повиснет в воздухе. Ганс густо покраснел и, растерявшись, пожал ее. В мою сторону полисмен ограничился чрезвычайно учтивым поклоном и продолжал:

— Видите ли — суть эта самая, так сказать, — такая... г-н пристав просит вас пожаловать к нему сегодня. Вот повесточка... Будьте так добры — расписаться.

— Садитесь, чего же вы стоите? — процедил Ганс.

Небрежно, стараясь казаться беззаботным и непринужденным, он подвинул стул, и полицейский со словами: «Благодарствую, воспользуюсь вашей любезностью», — боком присел к столу. Раскрытая книга с номером «Красного Петуха» лежала перед его глазами. Я стиснул зубы, мысленно обливая Ганса ушатом отборной брани, и стал разглядывать посетителя.

У него было худое, продолговатое лицо, рыжеватые усики, часто мигающие светлые глаза и белые, коротко остриженные волосы. Одной рукой он механически дергал португепю шапки, выпячивая грудь, другой уперся в колено и застыл так, рассеянно оглядывая стол. Через мгновение глаза его остановились на развернутой книге, метнулись и замерли, прикованные крупным, ясным заглавием журнала.

Взволнованный Ганс ожесточенно ткнул пером в повестку и прорвал бумагу.

— Леший! — вскричал он, — перо не годится. Не пишет. Дайте-ка ваш карандаш... Есть у вас?

Он повернулся ко мне и, пока я вынимал из записной книжки карандаш, полицейский смущенно перебежал взглядом с затылка Ганса на обложку журнала. Потом медленно, осторожно закрыл книгу и вытянул ноги, рассматривая потолок комнаты.

— Карандашиком, знаете, неудобно... — виновато протянул гость. — Уж будьте добры — чернильцами...

— Не искать же мне сейчас перьев, — недоумевающе буркнул Ганс. — Да и не знаю, где они. Как же быть?

— А вы... того... — оживился полицейский, улыбаясь и взглядывая на меня, — карандашник в чернильца обмакните и таким манером распишите...

— А ведь в самом деле! — рассмеялся Ганс. Затем он спросил:

— Зачем меня просят в участок?

— А... так, пустяковина. Насчет подписки о невыезде.

— А-а... ну, вот-с, получите... Полицейский встал.

— Так до свидания, — сказал он, надевая фуражку. — Будьте благополучны...

— Вам того же...

Он вышел, тихо притворив дверь.

— Вот дубина! — сказал Ганс, подмигивая мне и весело потирая руки, — ведь тут около него лежал номер «Красного Петуха»! Вы взяли его? Я думаю, он не заметил, а?

На другой день началась забастовка. Я проснулся рано, с смутным предчувствием наступающих событий, но ни тревога, охватившая меня в первую же минуту пробуждения, ни сознание важности момента не могли уничтожить яркого, солнечного блеска и зеленого шума старых листв, смотревших в окно. Наскоро, обжигаясь, я выпил чай и вышел, охваченный жутью тревожной атмосферы.

Улицы, залитые светом, были пусты и тихи: лавки и магазины закрыты. С грохотом и звоном проскакала казачья сотня в белых, запыленных рубашках. В отдалении стонали гудки бастующих фабрик и заводов.

Путь мой лежал через городской сад. И здесь, как на улицах, было пусто. Оживленно щебетали птицы. Вдруг, впереди, за крутым поворотом тенистой аллеи раздались крики, топот, и на площадку выскочил молодой бледный рабочий, без шапки, в синей разорванной блузе, с окровавленным, вспотевшим лицом. Он, задыхаясь, бежал к кустам крупными, изнемогающими шагами. Голубые, отупелые от страха глаза беспомощно метались вокруг.

В двух шагах от него, размахивая обнаженной шапкой и заливаясь трелью полицейского свистка, бежал мой вчерашний знакомец, весь красный от злости и напряжения. Он, видимо, нагонял рабочего. Еще далее, нелепо размахивая локтями и отставая, топтали тяжелыми сапожками двое городовых.

Я посторонился. Рабочий, без сомнения, изнемогал. Пробежав еще несколько шагов, он вдруг остановился, прижимая руки к груди, шатаясь и выпучив глаза. В тот же момент полицейский подскочил к нему, размахнувшись и наотмашь ударил кулаком в шею.

— Беги, сукин сын, беги! — зашипел он, замахиваясь шапкой.

Бедняга ткнулся в кусты и механически, полусознательно отбежал вперед. Потом судорожно вздохнул и, собрав последние силы, пустился бежать, что есть мочи, к выходу. Полицейский, обессилев, крупными, быстрыми шагами шел следом, свистел и кричал протяжным, усталым голосом:

— Держи-и-и! Держи-и-и!..

Подоспели городовые. Предводитель остановился, вынимая носовой платок.

— Убежал, собака! — сказал он, снимая фуражку и вытирая вспотевшую голову.